

СТАЛИНСКИЙ МИФ О «ВЕЛИКОЙ СЕМЬЕ»

Катерина Кларк

В центре соцреалистического романа, как и в центре сталинской политической культуры, находится миф о «великой семье». Этот миф представляет «великую семью» государства как естественный союз граждан, испытывающих друг к другу те же чувства теплоты и заботы, что и члены «малой семьи», основанной на кровных связях. Однако согласно этой схеме, государству должно отдаваться предпочтение перед семьей. Так, в случае возникновения конфликта между государством и отдельной семьей необходимо пренебречь ее интересами, основанными на кровной привязанности, во имя высшей цели политического единения. Если нужно, следует даже отречься от членов своей семьи (по примеру Павлика Морозова, разоблачившего собственного отца как законспирированного кулака¹).

Символические образцы для такой «семьи» имелись не только в ранних революционных доктринах, но также и в самой социальной организации традиционной русской крестьянской семьи. Специфика географических и политических условий царской России благоприятствовала расширению семейного круга, на основе которого возникла крестьянская община. В практических целях такие объединения часто принимали новых членов, не имевших кровных связей с основными членами семьи; войдя в семью, они, по определению антропологов, становились «структурными родственниками». Описывая этот феномен, этнографы (вслед за самими крестьянами) различают «малую семью» — семейное ядро или немного расширенный тип семьи — и искусственно созданную «большую семью»². Это противопоставление приближается к идеалу 1930-х годов. Действительно, к 1940-м годам писатели, обращавшиеся к теме родственной связи между отдельной семьей и всем советским обществом, соответственно рассматривали их как «малую семью» и «большую семью»³.

Большинство антропологов признает существование двух типов организации семьи: по боковой линии, вдоль «горизонтальной оси» (дети одних родителей, кузены и т. д.), или вдоль «вертикальной оси» (поколения). Глядя на семью с горизонтальной оси, можно увидеть, что русские считали родственниками более широкий круг людей, чем это было принято на Западе (молочные братья, приемыши, свекровь и теща, братья во Христе и т. д.). Напротив, количество людей, входивших в семью по вертикальной оси, в России было меньшим, чем на Западе. Вертикальная ось показывала основание семьи и ее колена; это была отцовская линия: жена приходила в семью мужа, родственники мужа считались более полноправными и авторитетными, чем ее собственные⁴. Поэтому, возможно, не простым совпадением объясняется то, что, хотя миф о сталинской «большой семье» распространялся на «братьев» и «сестер», их ключевыми персонажами были «отцы», а не «матери».

Эти альтернативные возможности для установления родственных связей в русской культурной традиции — по горизонтальной оси (братья и сестры) или вертикальной оси поколений (отцы и сыновья) — могут использоваться для создания моделей, отражающих изменения в политической символической, которые произошли в тридцатые годы.

В период первой пятилетки основной метафорой в обществе была «машина»,

которая иногда, в сфере человеческого бытия, трансформировалась в большую «братскую семью». Ни одна часть машины не является самоценной, она важна лишь постольку, поскольку во взаимодействии с другими частями обеспечивает ход машины. Так же и в советском обществе: все граждане — «маленькие люди» — работают бок о бок со своими «братьями» и имеют ценность лишь постольку, поскольку они все вместе обеспечивают гармоничное движение всего общества. Аналогия, проводимая между частью машины и «маленьким человеком» (или его «братом»), может быть проиллюстрирована следующим отрывком из романа В. Ильенкова 1931 года «Ведущая ось», в котором один рабочий упрекает другого за его стремление выделиться среди своих братьев по классу: «К примеру, паровоз взять: есть в нем и котел, и колеса, и механизм управления, и разные мелкие гайки, — все на своем месте. Оттого паровоз и тащит тысячи тонн. И гайка важна, и свисток важен, и дымогарные трубы, — одинаково, а тебе вот только ведущая ось нравится. Это неправильно!»⁵

Этот «братский» пыл был одним из главных моральных постулатов периода первой пятилетки; они были коренным образом пересмотрены в 1931-м, когда советское общество отреклось от культа машины. В своей речи в июле 1931 года Сталин оповестил о конце эпохи «маленького человека», подчеркнув значение знаний и опыта. Вождь провозгласил также лозунг «Техника решает все»⁶. Но все больше и больше в официальных выступлениях акцент смещался с положения о необходимости знаний на положение о необходимости хороших руководителей и организаторов. В 1935 г. Сталин достаточно определенно заменил старый лозунг 1931 года новым: «Кадры решают все»⁷.

Мир литературы шел в ногу с этими переменами: писателям было рекомендовано отречься от таких опаснейших врагов пятилетки, как культ статистики и машины. Прежде всего, им было дано понять, что читателю необходимо представить одушевленного героя, достойного подражания. В символических изображениях советской страны знание человека больше не умалялось, он ценился отныне не как надежный «винтик» или «свисток» великого общественного паровоза. Даже центральная фигура эпохи первых пятилеток — ударник — считалась слишком «маленькой» для того, чтобы сделаться главным героем в советской литературе⁸. Пришло время отдать должное «ведущей оси», показать людям их «отцов», как теперь назывались руководители партии⁹. Таким образом, 1930-е годы не только явились концом эпохи «машины» как основного социального символа, но ознаменовали также перемену в ориентации метафорической семьи — от горизонтальной оси к вертикальной. Теперь человек выходит на первый план, оттеснив технологию и статистику. Биография стала наиболее типичным жанром соцреализма. Но основной темой биографических произведений стало уже не формирование истинных граждан, а «жизнь замечательных людей», как была названа основанная Горьким новая серия книг биографического содержания.

В риторике середины 1930-х годов серия «замечательных людей» явилась официальным предвестником коренного переворота в человеческой природе, который в самом ближайшем будущем должен был затронуть каждого советского человека. Новые люди были не просто «больше» по сравнению с культивировавшимся прежде «маленьким человеком», они, в отличие от привычного «Ивана», были «величайшими», так как демонстрировали торжество гуманизма. Фантастическая эра началась.

Хотя считалось, что все официально признанные герои — поистине необычайного калибра, все они были не одинаково «большими». В риторике они представляли собой символическую семью, в которой наиболее великие предстали как «отцы», а немного менее великие оказались «сыновьями». «Отцами» были в основном политические лидеры.

Однако «сыновья», вопреки ожиданиям, не стали преемниками «отцов». Они

не были многообещающими лидерами Партии, которые могли бы составить следующее поколение партийных вождей, более того, они оказались преемниками «маленьких людей». Наиболее очевидным подтверждением этому может служить стахановское движение, начавшееся в конце 1935 года. В ряды стахановцев вошли герои, награждавшиеся за многократное перевыполнение производственных норм. У истоков этого движения стоял шахтер Алексей Стаханов. Затем в него включились представители разных профессий: сборщики хлопка и сахарной свеклы, работницы текстильных предприятий, фабричные рабочие со сдельной оплатой.

В общественном ритуале не только стахановцы моделировались как «сыновья». Список избранных включал пограничников, лыжников, ставивших рекорды на дальние дистанции, скрипачей, альпинистов, парашютистов, а также героев авиации. Некоторые из этих категорий (кроме стахановцев) выделились в тех областях, которые не считались прямо связанными со строительством коммунизма. Официальные герои не играли никакой роли в сфере политики или управления.

Публичное присвоение статуса «нового человека» героям стахановского движения, авиации или спорта может рассматриваться как своего рода ритуальное возвеличивание людей, занимающих в структуре общества подчиненное положение (стахановцы) или находящихся вне структуры (герои авиации и спорта). Хотя новые «супермены» и претендовали на реальные достижения, их функции были в основном ритуальными: все они становились символическими «героями».

Существовали также символические «злодеи». Их демонстрировали во время важнейшего публичного ритуала 1930-х годов — больших судебных процессов. Состоявшийся в ноябре 1935 года митинг, посвященный празднованию достижений стахановского движения, проходил накануне жестких сталинских «чисток» 1936—1937 годов. Празднование достижений «сыновей» должно было сформировать позитивное отношение к «чисткам»: революция достигает перемен с помощью чрезвычайных мер, которые в свою очередь оправданы результатом. Это открывало также широкие возможности для ритуального разоблачения «злодеев». Так, параллельно с публичным превозношением достижений стахановцев и героев авиации были осуждены руководители и инженеры, якобы пытавшиеся на своих предприятиях воспрепятствовать великой инициативе¹⁰. «Героям» эпохи была отведена определенная роль в эпической борьбе против внутренних и внешних врагов: необходимо было найти титанов, чтобы пропорции этой борьбы стали воистину эпическими.

1930-е годы были временем, когда каждый, бравший в руки перо, писал героическую биографию какого-нибудь из официальных героев (члена сталинского руководства, героя гражданской войны, выдающейся личности из прошлого России типа Емельяна Пугачева или же символического героя). Кто бы из этого стандартного набора ни был избран в герои биографического произведения, главная функция книги состояла в подтверждении status quo и легитимации руководства (в аллегорической форме, если использовался исторический сюжет).

В прошлом жанр биографии часто служил для подтверждения законности политической власти. В Древнем Риме императоры переписывали свои биографии с целью показать генеалогическую связь с богами. В контексте советского общества аналогичной привилегией считалась связь с Лениным. Для двух важнейших категорий героев 1930-х годов — членов большевистского руководства и героев гражданской войны — важнее, однако, было установить связь со Сталиным, нежели с Лениным. Биографии этих людей неизменно подтверждали их определенную роль в каком-либо из ключевых (по мнению Сталина) эпизодов его жизни: ссылка и тюрьма в предреволюционный период (страдания, испытанные Сталиным, давали ему право на многое), гражданская война, и в особенности поражение белой армии под Царицыным (победа, приписываемая заслугам Сталина и, следовательно, представлявшаяся как важнейший эпизод гражданской войны),

преемственная связь между Лениным и Сталиным, убийство Кирова в 1934 году (ставшее оправданием партийных «чисток»).

С момента, когда была осознана необходимость всестороннего, связного и последовательного изложения всех официальных хроник для подтверждения значительности их главных героев, стало недостаточно только установить связь с «великим отцом» и привести некоторые «героические подробности». Вслед за традиционной агиографией для характеристики морального облика и поступков героя было важно осветить весь жизненный путь, включая детство. Более того, как уже стало принятым в партийной литературе, подтверждения политической легитимности и личного превосходства основывались не на обстоятельствах, а на особенностях характера. Начало такому подходу положил Сталин в своем обращении к кремлевским курсантам после смерти Ленина в 1924 году: «Я не думаю, что есть необходимость говорить о деятельности Ленина. Думаю, что лучше ограничиться некоторыми фактами, характеризующими Ленина как человека и вождя»¹¹. В риторике и литературе 1930—1940-х годов перечисленные Сталиным «ленинские» черты характера (скромность, способность общаться с самыми разными людьми и др.) стали каноническими при изображении «отцов», так же как и некоторые постоянные эпитеты (спокойный, серьезный); в литературе это были условные знаки положительного героя.

В середине 1930-х годов различия между литературой и публицистикой, между реальной и художественной биографией стали еще менее заметными, чем раньше. При создании биографических произведений в духе марксистско-ленинской историографии (в том числе в биографических сочинениях более ранних периодов, например, в «Чапаеве» Фурманова) невозможно увидеть индивидуальные принципы подбора и организации материала реальной жизни. Все биографии были стандартизированными до такой степени, что жизнь каждого героя (в литературе и публицистике в одинаковой степени) соответствовала мифологическим образцам. Ярким примером этому может служить «Пархоменко» Вс. Иванова (1938—1939). Это сочинение названо романом и опубликовано в литературном журнале «Молодая гвардия», но, в соответствии с установками своего времени, оно могло быть с таким же успехом опубликовано где угодно как реальная биография. Фантастическими сделались все произведения биографического жанра, независимо от того, художественными или публицистическими они считались. Глеб Чумалов из литературы перекочевал в публицистику.

Биографии были двух типов. Одни представляли формулу жизни «отцов», другие — «сыновей». Оба типа имели общий источник, но существовали и различия. Наилучшим образом были представлены биографии «отцов», в особенности партийных лидеров. Так было даже в литературе: например, в 1937 году в списке литературных работ ленинградских авторов, находившихся на стадии подготовки, подавляющее большинство составили произведения о Сталине, Кирове, Ворошилове или Орджоникидзе¹².

Жизнеописания сталинских вождей были призваны вдохновлять массы, а биографии «сыновей» — служить примером для подражания¹³. Биографии обыкновенных граждан, созданные в более ранний период, открывали читателям из рабочей среды их прошлое, внушали им чувство гордости за династию или демонстрировали преобразующую силу социализма. Начиная с середины 1930-х годов ведущей стала агиографическая функция: биографии предназначались в качестве иконы, и те из них, в которых это удавалось лучше, предлагались как образцы для писателей. Стандартные жизнеописания «сыновей» хотя и очень напоминали произведения об «отцах», однако не были абсолютно с ними схожи, так как «сыновьям» следовало быть более ребячливыми и безответственными. Все биографии «сыновей» строились по единой модели, поэтому рассмотрим здесь только один образец этого жанра.